

Б. Н. Флоря
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. ritlen@mail.ru

ОСМАНСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ (1674 г.) И РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В статье показано, как представления русских политиков о политике Речи Посполитой, основанные на дипломатических контактах и другой информации, влияли на украинскую политику русского правительства.
Ключевые слова: Россия, Османская империя, Крым, Польско-Литовское государство, украинские гетманы

События, развернувшиеся на Правобережье в 1674 г., имели большое значение в истории Восточной Европы и особенно в исторических судьбах украинского народа, так как завершилась неудачей попытка создания гетманства обоих берегов Днепра под русским протекторатом.

Реконструкцию событий, происходивших летом 1674 г. на Правобережье, дал в своей «Руине», используя документальные и нарративные источники, Н. И. Костомаров [Костомаров, с. 247–259]. Он нарисовал яркую картину жестоких действий на Правобережье османов и татар, которые в конечном итоге привели к массовому бегству населения за Днепр. Уже в недавнее время этим событиям было посвящено специальное исследование М. Крикуна, который внес в их реконструкцию уточнения и дополнения и привлек к изучению важный источник о событиях, происходивших в османо-татарском лагере [Крикун]. Если реконструкцию событий можно считать в значительной части выполненной, ясны и мотивы действий османов и татар, то во многом неясно, чем определялись действия противников османов – гетмана Ивана Самойловича и царя и его советников в Москве. Понятно, что при принятии решений они должны были учитывать политику главного западного соседа – Польско-Литовского государства.

Его политика оказывалась особенно важной именно в ситуации, сложившейся на юге Восточной Европы в начале 1674 г. В марте этого года по решению Переяславской рады образовалось единое украинское гетманство во главе с И. Самойловичем, а вассал османов – гетман Петр Дорошенко – был заблокирован в своей резиденции – Чигирине. Все это происходило в условиях, когда между Польско-Литовским государством и Османской империей шла война и османская армия осенью 1673 г. была разбита под Хотинном. Ход последующих событий во многом зависел от того, будет ли эта война продолжаться. Тем самым наметилась связь между событиями, которые происходили в 1674 г. на Украине, и состоянием русско-польских отношений. Русско-польские отношения в 1674 г. рассматривались в моей работе в связи с переговорами о союзе против османов [Флоря], но связь этих переговоров, событий на Правобережье и решений, которые принимались в Москве, не была раскрыта в полной мере.

Ситуация, когда продолжалась война между Османской империей и Речью Посполитой, а Россия в этой войне открыто не участвовала, была для русской стороны благоприятной и позволила успешно осуществить планы относительно Правобережья. Однако когда выборы на польский трон завершились в мае 1674 г. избранием Яна Собеского, и в Москве, и на Украине появилось серьезное беспокойство, что это благоприятное положение может вскоре измениться. Ян Собеский имел репутацию политика, связанного с Францией, который стремился к миру и союзу с союзником Франции – османами. Уже 18 мая И. Самойлович писал царю, что по «вестям», полученным от полковников из Подолии, Я. Собеский «с турским

салтаном и с татары заводит союз и хочет с ними помириться», а потом они «имеют вместе всеми силами идти в малороссийские города войною», и просил помощи¹.

Тревожные сообщения приходили и от русского резидента в Варшаве В. М. Тяпкина. Он прислал в Москву запись высказываний одного из первых сенаторов Великого княжества Литовского троцкого воеводы М. Огинского, что Собеский – «великой государству Московскому неприятель и с турским помирится тотчас» и намерен «с частью войска турецкого и с Крымом конечно идти на Московское государство»². В ответ на эти сообщения В. М. Тяпкину было поручено узнать, Собеский «не будет ли иметь тайно ссылки с салтаном турецким и ханом»³. В Москве, однако, не считали, что политика Речи Посполитой уже изменилась. В ответ на грамоту И. Самойловича ему сообщили 5 июня, что по требованию литовцев новый король «учинил веру» соблюдать договоры, заключенные с другими государствами⁴, то есть в Москве полагали, что Ян Собеский не сможет навязать Речи Посполитой союз с османами.

Соответствующие сигналы не замедлили поступить. Уже 18 мая великий гетман литовский М. Пац сообщил, что Собеский, став королем, «то повинен будет делать и позволять, как они, паны-рада, как и вся Речь Посполитая, постановят»⁵. Тогда же в письме, адресованном ближайшим советникам царя Ю. А. Долгорукому и А. С. Матвееву, он также писал, что «един аще и большее имел бы началство, ничто ж становити может». Новый король принес присягу соблюдать Андрусовский договор и «против того общаго неприятеля (османов. – Б. Ф.) общими силами война имат быти»⁶. Письмо пришло в Москву 9 июня. А 17 июня от В. М. Тяпкина был получен текст королевской присяги, принесенной 21 мая. Полученные тексты присяги были сразу отправлены Г. Г. Ромодановскому и И. Самойловичу⁷. Король обязывался сохранять шляхетские «вольности» и мирные договоры с другими государствами и «Каменец», захваченный османами, «отыскать». Король обязывался также «с французскими самодержцы так и с прочими своими друзьями и сродниками факции и промыслов явных и тайных не строить и не мыслить»⁸. Правда, одновременно с присягой В. М. Тяпкин прислал сообщения одного из лазутчиков – грека, что молдавский боярин Мирон Костин трижды приезжал к Собескому «от визира» и король отправил к визирю своего посланника, так как хочет «помирится с турками»⁹, но в Москве явно рассматривали королевскую присягу как документ, который определит политику Речи Посполитой. Такой вывод подкрепляли новые сообщения. 30 мая посольский переводчик С. Лаврецкий сообщал, что «в думе воинской так постановлено, чтоб к царскому величеству послать некоторого посла, чтоб учинить союз»¹⁰. 25 июня пришли сообщения от В. М. Тяпкина, что близкий к М. Пацу С. Венславский поедет в Москву «о потвержении дружественного союза» против османов «в войсковых посылках и в общем стоянии». В. М. Тяпкин писал, что король и Речь Посполитая «против турка ныне стоять готовы»¹¹. 1 июня с ним встречался подканцлер литовский М. Радзивилл, муж сестры Собеского, и заверил его, что король желает «ссылки» и союза с Россией¹².

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР). СПб., 1879. Т. 11. № 143/1. Стб. 468–469. Об этом писал и командующий войсками Белгородского разряда Г. Г. Ромодановский (РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 24. Л. 1067–1067 об.).

² РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 160. Л. 240 об.; [Соловьев, с. 511].

³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 247.

⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 24. Л. 1076–1076 об.

⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 254.

⁶ Там же. Л. 251.

⁷ Там же. Л. 262 и сл.

⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 24. Л. 1132 об.–1133.

⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 258.

¹⁰ Там же. Л. 266.

¹¹ Там же. Л. 267–267 об.

¹² Там же. Л. 270 об.–271 об.

Эти свидетельства говорили о том, что вряд ли можно ожидать скорого заключения мира между Речью Посполитой и османами. Война будет продолжаться и Османской империи будет не до Правобережья, а Речь Посполитая, заинтересованная в союзе с Россией, будет вынуждена примириться с положением вещей. Как сообщал В. М. Тяпкин, вопрос об Украине будет отложен до созыва в будущем «комиссии» с участием посредников¹³.

В этих условиях не было необходимости направлять для защиты Правобережья крупные военные силы. Правда, имели место попытки крымских татар оказать помощь Дорошенко, но они были успешно отражены войском, состоявшим в своей основной части из казацких полков Право- и Левобережья¹⁴. В конце июня И. Самойловичу был передан плененный запорожцами посол П. Дорошенко в Крым И. Мазепа. Захваченные письма гетмана были полны жалоб, что он не получает, несмотря на неоднократные обращения, никакой серьезной помощи ни от Крыма, ни от Османской империи¹⁵. И. Мазепе было поручено заявить в Крыму, что, если помощь «недель за 5 или за 6 не пришлют, и он (Дорошенко. – Б. Ф.), де, боронитца не учнет и из Чигирина побезит»¹⁶. Как представляется, знакомство с этими письмами способствовало принятию решения о походе русско-украинской армии в июле 1674 г. на Чигирин¹⁷.

Сохранился ряд грамот И. Самойловича, относящихся к июлю 1674 г. В них гетман не писал об опасности со стороны Османской империи и не просил срочной военной помощи. Его беспокоили только набеги татар на земли по Южному Бугу и Днестру. Разумеется, к этому времени уже стало известно, что османские войска переходят Дунай, но, как полагал Г. Г. Ромодановский, визирь султана, «дождався хана, пойдет против поляков»¹⁸.

К середине июля татарские нападения на южных границах гетманства приняли широкий размах. Уманский полковник С. Яворский сообщал гетману И. Самойловичу, что сражавшийся с татарами подольский полковник М. Зеленский, «не дождався посланков», ушел за Буг¹⁹. Для отпора татарам И. Самойлович, как он докладывал царю, направил против татар большую часть казацких полков Правобережья²⁰. Этих сил было достаточно для борьбы с татарскими «загонами», но они, конечно, не могли дать отпор османской армии. Очевидно, опасности со стороны османов гетман не ожидал. Он сообщал царю, что «хан крымской пошел под Каменец, где и салтан турецкой и везир конечно приближает»²¹. Очевидно, И. Самойлович ждал возобновления войны Османской империи и Речи Посполитой. На такую возможность развития событий указывали и донесения В. М. Тяпкина. 18 июля В. М. Тяпкин писал, что король выезжает к войску подо Львов²². Позднее его собеседники выражали надежду, что «к Каменцу и к Хотину войска царского величества зближатца будут»²³. 22 июля подканцлер коронный А. Ольшовский сообщил русскому резиденту, что из лагеря подо Львовом уже отправлен «большой подъезд... под войска турецкие»²⁴. 26 июля комендант пограничной крепости

¹³ Там же. Л. 270–270 об.

¹⁴ О посылке войск с Левобережья на Правобережье см.: АЮЗР. Т. 11. № 141. О присоединении к ним правобережных полков см.: Там же. № 150. О сражении с татарами и сторонниками Дорошенко у Смелой см.: Там же. № 150, 154.

¹⁵ АЮЗР. Т. 11. № 151. Стб. 498 и сл.

¹⁶ Там же. № 170. Стб. 560.

¹⁷ Решение о походе царской грамотой от 8 июля было одобрено (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 24. Л. 1179–1180 об.).

¹⁸ АЮЗР. Т. 11. № 151.

¹⁹ Там же. № 162. Стб. 538–539.

²⁰ См. грамоту И. Самойловича царю от 25 июля (АЮЗР. Т. 11. № 165).

²¹ АЮЗР. Т. 11. № 173/1. Стб. 581.

²² РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 297–298.

²³ Там же. Л. 333 об., 334 об.

²⁴ Там же. Л. 342, 343.

Димер писал в Киев воеводе Ю. П. Трубецкому, что дворянское ополчение собирается в Рубешове, а кварцянское войско под Тремболовым и пойдет оттуда против османов²⁵.

Между тем в то время, когда делались такие заявления, в отношениях между Речью Посполитой и Османской империей произошли существенные перемены, оказавшие серьезное влияние на судьбу Правобережной Украины.

Важные сведения о том, что происходило в июле в крымско-османском лагере, сообщил в 1675 г. в Москве бежавший из плена сын боярский Петр Татаринов, участвовавший в походе как «слуга» великого визиря²⁶. Когда султан и хан встретились «на Волоском рубеже» – границе Молдавии с южными землями Речи Посполитой, крымский хан выступил с важной инициативой. Он обещал добиться, что «поляки послушают ево и сего лета на войну против их не выйдут и им в то время сручнее будет имать черкасские города и Дорошенка оборонять»²⁷. В результате был предпринят ряд шагов для выполнения такого плана.

Сопоставление рассказа П. Татаринова со сведениями польских источников о происходивших переговорах позволяет восстановить ход событий.

Переговоры начались с того, что посланец Собеского М. Секиринский привез к нему письмо великого визиря с предложением прислать великого посла для переговоров о мире [Wagner, s. 47]. Предложение это вызвало живой отклик, что не в последнюю очередь было связано с положением на территориях, близких к местоположению османской армии. В делах Малороссийского приказа сохранился перевод письма одного из офицеров пограничья ротмистра Стшалковского королю от 23 июня (н. ст.). Он писал, что войско здесь «доселе не платежем, ни зимовищем посилено не было». Кроме того, войска «развлечены и не собраны», «болши писать с печали не могу»²⁸. К крымскому хану был направлен королевский дворянин Ян Качаровский с просьбой выступить посредником на мирных переговорах [Wagner, s. 49]. Качаровский прибыл в ханскую ставку 10 июля²⁹. Его заявление Татаринов передал словами: желаем «учинить с вами мир, а битца с вами не хотим». В ответ визирь предложил прислать для переговоров великого посла³⁰.

По-видимому, Я. Качаровский сообщил, что в соответствии с пожеланиями великого визиря к нему направляется посол Ян Карвовский с польскими условиями мира. В результате между сторонами была достигнута договоренность. Вместе с Я. Качаровским в Варшаву поехал сын ханского визиря Юсуп. В отправленном с ним письме хана говорилось о продолжении переговоров и прекращении татарских набегов на земли Речи Посполитой [Wagner, s. 49]. Как отметил П. Татаринов, «ханов посол поляков уговорил и покоем обнадежил и поляки, видя ево ханово такое приятство, с Подолии назад поворотились»³¹. Очевидно, было заключено своеобразное соглашение о ненападении на время мирных переговоров. Королевский посол Я. Карвовский приехал в ставку великого визиря к концу июля и был отправлен с отрицательным ответом на польские предложения 3 сентября и к 16 сентября доехал до Львова [Wagner, s. 48]. Задерживая в своем лагере королевского посла, османская сторона обеспечивала себе на это время отсутствие опасности со стороны Речи Посполитой.

²⁵ Малороссийские дела. Отписки за 1673–1674 год киевского воеводы кн. Ю. П. Трубецкого с товарищи к царю Алексею Михайловичу // Синбирский сборник. Часть историческая. М., 1844. Т. 1. № 180. С. 195.

²⁶ О П. Татаринове и его рассказе см.: [Крикун, с. 353].

²⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 166. Л. 522 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 24. Л. 1246 об.–1247.

²⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 166. Л. 538 об.

³⁰ Там же. Л. 539.

³¹ Там же. Л. 522–523 об.

По свидетельству П. Татаринова, османская армия перешла Днестр и вступила на земли Правобережья 29 июля 1674 г.³² Так и на Правобережье, и в Москве узнали о вторжении крупной вражеской армии тогда, когда в этом регионе не было крупных военных сил, способных дать этой армии успешный отпор. Планы османов заходили достаточно далеко. 23 июля у посланцев П. Дорошенко, а затем у греческих торговцев спрашивали о дороге к Киеву: через Умань дорога насчитывала «двадцать дней без простойки»³³. О том, что османы хотят идти к Киеву, стало известно довольно быстро. 25 июля И. Самойлович послал в Москву «листы» подольского полковника М. Зеленского, в которых об этом говорилось, 6 августа «листы» попали в Москву³⁴.

Наряду с этой очень серьезной опасностью существовал дополнительный источник тревоги. По общему мнению современников, османо-татарская армия не могла предпринять поход на Правобережье, не заключив мирного соглашения с Речью Посполитой. Взятый в плен слуга бея Ширинов говорил, что хану и султану «переправясь им Днепр, дожидатца бы поляков, помирятца ли они с ними и пойдут ли вместе на Украину», «не взяв у поляков подлинные ведомости на Украину не пойдут»³⁵. Поход османо-татарской армии произошел, и это должно было вызывать подозрения в существовании османо-польского соглашения, направленного против России³⁶.

Подозрениям противоречили важные официальные сигналы, исходившие от Речи Посполитой. 18 июля в Смоленск приехал посланец Яна Собеского С. Венславский. Смоленским воеводам он сообщил, что король выезжает в Люблин собрать войско против османов. Другие государи, которых просили о помощи, «в посиаки отказали», и король рассчитывает лишь на помощь царя³⁷. На встрече 3 августа С. Венславский выступил с предложением об объединении обеих армий для похода к Днестру против османов³⁸. Посланцу сообщили, что русские войска уже воюют с османами на Украине и на Дону, а предложение о походе к Днестру было отклонено: «ныне уж той посылки за наступлением осеняго времени быть невозможно»³⁹. Однако само выдвижение такого предложения с польско-литовской стороны позволяло надеяться на сотрудничество в борьбе с османами. Такие надежды мог поддержать шаг, предпринятый С. Венславским уже после окончания переговоров 13 августа. Он передал в Посольский приказ текст «универсала» Яна III от 26 июля 1674 г. В нем говорилось о переходе османской армии через Днестр и о созыве дворянского ополчения, чтобы «тотчас шляхта воинским промыслом рушилась»⁴⁰.

Условия такого сотрудничества, однако, не рисовались определенно. Русские войска вели военные действия против османов на Правобережье, а на встрече 10 августа С. Венславский, отвергая русские аргументы, доказывал права Речи Посполитой на Правобережье, утверждая, в частности, что русские войска заняли Правобережье только потому, что Ян Собеский разбил османскую армию под Хотинном. На это последовал ответ, что Алексей Михайлович занял эти земли «особными царского величества войсками, а не общими»⁴¹.

³² Там же. Л. 541.

³³ Там же. Л. 540–540 об.

³⁴ АЮЗР. Т. 11. № 157, 163, 165.

³⁵ Там же. № 185. Стб. 614.

³⁶ Отправляя в Москву арестованного запорожцами посла Дорошенко Ивана Мазепу, И. Самойлович предписывал ему сообщить царю все, что он знает о «замыслах Дорошенковых, о договоре Собеского с турком» (см. грамоту гетмана от 15 июля (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 24. Л. 1288 об.)).

³⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 24. Л. 1249–1250.

³⁸ Два варианта его предложений см.: РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 112–126; [Darowski, s. 51 (автором использован отчет С. Венславского)].

³⁹ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 153–155; [Darowski, s. 53].

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 381–385.

⁴¹ Там же. Л. 259–261; [Darowski, s. 62–63].

Положение тем временем становилось все более напряженным. 14 августа пленные татары сообщали в Малороссийском приказе, что османо-татарская армия перешла Днестр «и хотят всеми силами прийти в Умань, а из Умани прямо под Киев»⁴². В опасности оказывалась не только русско-украинская армия, осаждавшая Чигирин, но и Киев. В этих условиях в Москве были приняты важные решения⁴³. Речь шла о чрезвычайной мобилизации военных сил для отпора османам. Первоначально на Украину должен был направиться окольный К. О. Щербатов, к которому в Путивль должна была прийти смоленская шляхта. За ним должен был выступить в поход один из главных советников царя Ю. А. Долгорукий с многочисленным войском и «большим пушечным нарядом»⁴⁴. Наконец, И. А. Хованский должен был быть «наготове» «с новгородским и псковским полком» (ст. 1–3, 5)⁴⁵. В случае прихода к Чигирину османо-татарской армии Г. Г. Ромодановскому и И. Самойловичу предписывалось отвести армии за Днепр, но предварительно следовало Черкасы и Канев укрепить и снабдить сильными гарнизонами, «чтоб те оба города от неприятельского... наступления были во всяком безопастве» (ст. 12)⁴⁶. Очевидно, они должны были стать опорными пунктами для идущей на Правобережье русской армии. С. Венславский писал в своем отчете о начавшихся в Москве приготовлениях к войне [Darowski, s. 88].

18 августа задержавшийся в Москве С. Венславский был вызван к А. С. Матвееву. Ему было сообщено о принятых решениях и одновременно имели место неприятные объяснения. А. С. Матвеев заявил посланнику, что если османская армия действительно предпримет большой поход на Правобережье, то «знатно будет подлинно, что королевское величество учинил с ними (османами. – Б. Ф.) о миру договор тайными пересылки»⁴⁷. Об этом же говорила и пассивность польско-литовских войск в условиях османского наступления на Правобережье. В царской грамоте Яну Собескому отмечалось, что «вы за теми неприятели, турскими и крымскими людьми, в тыл не идете и нигде про те войска не слышали»⁴⁸.

В последующие дни, однако, был получен ряд благоприятных сигналов.

20 августа С. Венславский передал в Посольский приказ письмо Яна Собеского с предложением обсудить на ближайшей «комиссии» представителей обоих государств вопрос о союзе против османов. В нем также сообщалось, что король собирает войско и выезжает на войну [Darowski, s. 81]. В тот же день важные известия были получены от В. М. Тяпкина. Он информировал о своей встрече 31 июля с А. Ольшовским, который сообщил, что визирь и хан «идут на помочь Дорошенко против войска великого государя». Одновременно речь шла о том, что подо Львовом, куда 9 августа выезжает король, собирается войско, которое пойдет к Днестру. Когда русские войска выступят против османов, король «от Треполя пошлет своих гетманов или и сам пойдет хану и везирию в тыл»⁴⁹. 21 августа явно под влиянием этих сообщений С. Венславскому заявили, что «всего своего государства ратным людем указал великий государь к своему государскому походу быть готовым», и было предложено, чтобы король «против тех неприятелей изволил идти в тыл по тому ж вскоре»⁵⁰. Таким образом, решение о большом

⁴² АЮЗР. Т. 11. № 185. Стб. 612.

⁴³ В тексте «решений» (ст. 10) командующим армией предлагалось отправить к Дорошенко Мазепу с царской грамотой с обещанием прощения «вин» и «жалованья» (РГАДА. Ф. 124 (Малороссийские дела). 1674 г. № 1. Л. 20–23 об.). Грамота П. Дорошенко датирована 15 августа (АЮЗР. Т. 11. № 188).

⁴⁴ Как узнал С. Венславский, это войско должно было собраться в Севске 18 сентября [Darowski, s. 83].

⁴⁵ РГАДА. Ф. 124. 1674 г. № 1. Л. 12–13 об., 14 об.–15.

⁴⁶ Там же. Л. 25 об.–27 об.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 400.

⁴⁸ Там же. № 15. Л. 12–19.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 301, 362, 363 об.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 389–390, 457–458; [Darowski, s. 87].

походе на Правобережье было принято и начало осуществляться с определенным расчетом на совместные действия России и Речи Посполитой против османов.

Тем временем с приходом крымского хана с войском к Чигирину русско-украинская армия на Правобережье была вынуждена отступить к Днепру и около Черкас сумела успешно отбить нападение крымских татар и сторонников Дорошенко⁵¹. Военачальники были обеспокоены известиями, что хан и Дорошенко «к везирию писали оба, чтоб... как скорее шел к нам под Черкасы»⁵².

По свидетельству П. Татаринова, хан действительно предлагал каймакаму – командующему османскими войсками в походе идти к Черкасам «и обнадеживал его, что... он, хан, обступит обозы около и не выпустит никою по съестные и по конские кормы и московские, де, ратные люди оголодают и ему, каймакаму, добывать их в обозе будет способно»⁵³.

В этих условиях в военный лагерь у Черкас прибыл гонец командующего польской армией Д. Вишневецкого Я. Сколимовский, отправленный 1 августа (н. ст.) из Львова. От имени гетмана гонец предлагал скорее идти на соединение с польской армией, которая собирается у Тарнополя⁵⁴.

Значение такого предложения в сложившейся ситуации состояло в том, что войска Речи Посполитой находятся далеко от Днепра и какое-либо взаимодействие с ними в данное время вряд ли возможно. Чтобы проверить эту информацию, военачальники допрашивали пленных татар, которые сообщили, что они «о польских войсках и не слышали»⁵⁵. Но у ситуации была и другая, более неприятная сторона. Последовав сделанному предложению, армия должна была идти к Тарнополю по пути, на котором находилась осаждавшая Умань османская армия. Возникал вопрос, почему с польской стороны толкают русско-украинскую армию на такой опасный путь. Подозрения на этот счет И. Самойлович высказал позднее, но явно имея в виду эти события: поляки намерены русские и украинские войска «бутто для помочи себе против турков и татар, за Днепр выманив и вывев в поля, сносить»⁵⁶.

Обращают на себя внимание и действия военачальников после переговоров с Я. Сколимовским. Хотя крымское войско с Дорошенко ушло к Чигирину, русско-украинская армия переместилась за Днепр, а Черкасы Г. Г. Ромодановский «запалити... розказал»⁵⁷, явно не рассчитывая удержать этот город.

Положение на Правобережье оставалось напряженным. В конце августа османская армия взяла Умань, приходили сообщения, что османы намерены быть к Киеву на Рождество Богородицы (8 сентября)⁵⁸. Вопрос о большом походе на Правобережье оставался актуальным. 26 августа решение о походе подробно излагалось в царской грамоте белоцерковскому полковнику С. Бутенко⁵⁹. Вероятно, такие грамоты были отправлены в другие казацкие полки. 1 декабря ряд воевод были «у руки» Алексея Михайловича⁶⁰. Они должны были возглавить передовой корпус формирующейся армии. Позднее была составлена разрядная запись

⁵¹ О военных действиях см.: [Великанов, Нечитайлов, с. 30–31].

⁵² См. грамоту И. Самойловича царю от 17 августа (АЮЗР. Т. 11. № 190. Стб. 637).

⁵³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 166. Л. 531 об. Сходным образом излагал планы татар гонец гетмана Г. Тимофеев (АЮЗР. Т. 11. № 197. Стб. 656).

⁵⁴ См. текст письма гетмана киевскому воеводе Ю. П. Трубецкому и его инструкции (Малороссийские дела... № 195. С. 206–210).

⁵⁵ Об этом подробно сообщал В. М. Тяпкин, ознакомившись с отчетом Я. Сколимовского (РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 591).

⁵⁶ АЮЗР. СПб., 1882. Т. 12. № 58 (июль 1675 г.).

⁵⁷ Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 120.

⁵⁸ Малороссийские дела... № 197. С. 222.

⁵⁹ АЮЗР. Т. 11. № 194.

⁶⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Ч. 3. Стб. 984–985.

для главных сил армии во главе с Ю. А. Долгоруким⁶¹. 8 сентября были «у руки» воеводы главного полка во главе с Ю. А. Долгоруким, которые должны были затем отправиться в Севск⁶². А. С. Матвеев известил В. М. Тяпкина, что Ю. А. Долгорукий «вскоре» пойдет в Путивль⁶³. Тогда же гонцу гетмана И. Самойловича Г. Тимофееву сообщили, что одним из воевод в армии будет бывший киевский воевода князь Г. А. Козловский, на эту «службу» он «отпущен с новгородским и псковским полком»⁶⁴, который, следовательно, также должен был принять участие в походе. В письме А. С. Матвееву от 8 сентября И. Самойлович радовался тому, что царь «за заступление наше двинутися имеет»⁶⁵. 4 сентября была получена отписка В. М. Тяпкина, что король 12 августа выехал к войску, которое пойдет к Сороке, «чтоб татаром и турком заступить в тыл»⁶⁶.

Тем временем османская опасность пошла на убыль. Османская армия понесла серьезные потери при взятии Ладыжина и Умани, и в ответ на предложения хана, по свидетельству П. Татарина, османский командующий заявил, «что ему с такими малыми силами на московский обоз идти невозможно» и это решение было одобрено визирем и султаном⁶⁷. Не пытались атаковать и русско-украинские войска, стоявшие на Правобережье у Канева. 8 сентября было решено, что османское войско уходит, а хан должен «зимовать» на Правобережье и ходить с Дорошенко «за Днепр»⁶⁸. 23 сентября султан перешел Днестр, 25-го за ним последовал визирь⁶⁹. 19 сентября от Г. Г. Ромодановского в Москву пришли известия, что «турской салтан отступил к себе, а крымские люди войною ходят небольшие»⁷⁰. Складывалась как будто благоприятная ситуация для похода на Правобережье, но ход событий принял иное направление.

В это время в Москву прибыл снова С. Венславский с предложением направить русские войска за Днепр для соединения с польской армией⁷¹. На встрече 18 сентября это предложение встретило резкую реакцию А. С. Матвеева. Он указал посланцу, что русские войска на Правобережье были «без помочи королевского величества побиты» и, хотя король сообщал о своем выступлении в поход, «королевского величества войск и ныне на Украине нет». Это заставляет подозревать существование какой-то договоренности между королем и «неприятелями». Одновременно было четко заявлено, что до весны русские войска за Днепр не пойдут⁷². 24 сентября был отправлен приказ вернуться в Москву воеводам, выехавшим в Путивль⁷³.

Источники не дают прямого ответа на вопрос, чем был вызван такой резкий поворот в русской политике. Для ответа на него нужно, как представляется, внимательно рассмотреть, какие сообщения поступали в Москву в сентябре от В. М. Тяпкина. Здесь особенно следует отметить письмо, в котором говорилось, что Ян Собеский «во всем мудровании склонен к поганским странам» и едет в военный лагерь, «чтобы ему ближе с турским и крымским ссылатца». Он готов «Украину им всю отдать», а «турки и татаровя своими силами помогут ему коронации достигнуть». А затем он хочет «с татары и турки идти на государство

⁶¹ Там же. Стб. 990–991.

⁶² Там же. Стб. 998–999.

⁶³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 400 об.

⁶⁴ АЮЗР. Т. 11. № 196. Стб. 651–652.

⁶⁵ Там же. № 200. Стб. 662.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 376 об.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 166. Л. 531 об.–532 [Крикун, с. 381–387].

⁶⁸ Там же. Л. 542.

⁶⁹ Там же. Л. 543–543 об.

⁷⁰ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 1036.

⁷¹ См. текст поданных им «статей»: РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 18. Л. 58–65.

⁷² Там же. Л. 69, 78–79; [Соловьев, с. 515–516; Darowski, s. 121–122].

⁷³ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 1043–1044.

Московское»⁷⁴. Такие высказывания о Яне Собеском и его политике попадали в Москву не в первый раз, но в условиях, когда королевская армия вопреки обещаниям не предпринимала каких-либо действий в тылу османов, эти слухи стали, по-видимому, привлекать к себе особое внимание. Стал известен в сентябре и другой неприятный факт: выезжая в военный лагерь, король отказался взять с собой В. М. Тяпкина⁷⁵. Позднее литовский гетман М. Пац говорил русскому резиденту, что король не взял его в лагерь, «чтоб без него с турским конечно учинить мир»⁷⁶. В. М. Тяпкин сообщал и о переговорах Я. Собеского с Крымом. «Ближний человек» Я. Собеского объяснял, что король побуждает татар восстать против султана⁷⁷. Восстания, однако, не происходило, королевская армия не выступала против татар. По свидетельству П. Татарина, выходя в конце сентября с Правобережья, османская армия так и не встретилась с войсками Речи Посполитой, беспокоили только слухи, что «польское войско идет»⁷⁸.

Когда в Москве в середине сентября снова принимались важные решения, здесь с учетом всех этих фактов, судя по всему, были сильные подозрения в существовании соглашения Я. Собеского и османов, направленного против России. Было неясно, куда направится и на чью сторону станет собирающаяся подо Львовом и у Тарнополя армия. В этих условиях, очевидно, и было принято решение отказаться от большого похода на Правобережье.

Вскоре было получено авторитетное подтверждение таких подозрений. 25 сентября в Москву пришла отписка В. М. Тяпкина о его встрече с М. Пацем. Гетман сообщил, что османские и татарские войска пришли на Украину «по повелению и согласию королевскому, чтоб ему то видеть, как московские силы от поганных победы ослабеют. Тогда он, король, как захочет, так и учинит с татарами и турки над государством Московским и над ними, поляки»⁷⁹. Позднее в том же разговоре он снова советовал не доверять Собескому, который «совершенно турка и хана научил итти на государевых ратных людей»⁸⁰. Таким образом, один из ведущих политиков Речи Посполитой авторитетно подтверждал тайный союз Собеского с османами и его враждебные планы в отношении России.

Поход войска Речи Посполитой против османов, как известно, начался в конце октября 1674 г., и в ходе военной кампании были заняты земли не только в Подолии, но и на Правобережье, где польский гарнизон был помещен в такой крупный центр, как Брацлав⁸¹. В итоге в Москве должно было сложиться определенное впечатление, что Собеский был пассивным, когда османы уничтожали русскую власть на Правобережье, но стал проявлять активность, когда появилась возможность распространить свою власть на этот регион. В Москве было хорошо известно о его попытках еще весной 1674 г. распространить польскую власть на Правобережье. При таком взгляде на состояние русско-польских отношений вопрос о создании общеукраинского гетманства под русским протекторатом откладывался на неопределенное время.

Если представления русских политиков и казацкой верхушки и мотивация их решений рисуются на основании имеющихся материалов вполне определенно, то с политикой Речи Посполитой и Собеского и ее соотношением с этими представлениями дело обстоит достаточно сложно. Имеющиеся достаточно богатые и разнообразные источники никак не подтверждают положение о каком-то тайном соглашении Собеского с османами, направленном против России, хотя поведение польской стороны давало серьезные основания для таких подозрений.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 393–394.

⁷⁵ Там же. Л. 388.

⁷⁶ Там же. Л. 417 об.

⁷⁷ Там же. Л. 380–382 об.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 166. Л. 543 об.–544.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 424.

⁸⁰ Там же. Л. 424 об.–425.

⁸¹ Об этой военной кампании см.: [Wagner, s. 87–92].

Конечно, нельзя исключить, что, заключая своеобразное соглашение о ненападении с османами, политики Речи Посполитой учитывали, что это может привести к походу османов на Правобережье, но большого выбора у них не было. Южные земли Речи Посполитой были летом 1674 г. беззащитны перед лицом османского наступления.

Позднее сановники Речи Посполитой неоднократно говорили В. М. Тяпкину, что Речь Посполитая хочет мира и союза с Россией и окажет помощь против османов, но никакими практическими шагами эти заявления не были подтверждены. Между тем такая акция – удар в тыл османам – могла бы привести к серьезному поражению османской армии, росту престижа Речи Посполитой и укреплению ее позиций в Восточной Европе.

Некоторые объяснения, как представляется, могут дать сообщения В. М. Тяпкина о том, как протекала подготовка Речи Посполитой к войне с османами. Мобилизация дворянского ополчения для ведения военных действий была проблемой для восточноевропейских государств второй половины XVII в. Целый ряд отписок Г. Г. Ромодановского царю наглядно показывает, с какими трудностями в 1674 г. он сталкивался при мобилизации «служилых людей» для похода на Чигирин. Еще большими были такие трудности в Речи Посполитой с ее ограниченными возможностями государственной власти и широким объемом дворянских привилегий. Их не отстраняли даже положительные решения дворянских собраний.

Трудности начинались уже со сбора средств на содержание мобилизуемой армии. В грамоте, полученной 15 июля, В. М. Тяпкин сообщал, что многие сеймики в Великой и Малой Польше «розорвались» и «податей поголовных на войсковую заплату... давать не хотят»⁸². Позднее положение не улучшилось. В грамоте, полученной 29 июля, он снова писал, что на сеймиках «податков никаких не токмо давать и помину о том слышать не хотят»⁸³. В письме, полученном 4 сентября, снова упоминаются «шум великой и нареканье» в связи со сбором средств на содержание армии. Денег нет, попытка получить деньги в Гданьске под заклад королевских регалий закончилась неудачно⁸⁴. В этих условиях люди, вызванные в войско и не получающие жалованья, отказываются нести службу. Так, в литовском войске заявляют, что «им отнюдь не возможно на службу идти, пока им не наградитца, что заслужили», и в польском войске ряд «хоругвей» пришлось «убавить и свить знамена, что нечем пожаловать»⁸⁵. В отписке, полученной 11 сентября, снова говорилось о том, что в Речи Посполитой «поборов на войско... збирать и давать не токмо не хотят, но и не мыслят» и люди не хотят идти на службу⁸⁶. В письме, полученном 25 сентября, В. М. Тяпкин сообщал, что армия Речи Посполитой выступит против османов в ноябре⁸⁷.

Все это позволяет полагать, что преодолеть имеющиеся трудности и собрать армию, способную вести серьезные военные действия, Яну Собескому удалось только к концу октября. Вероятно, исследование различных источников в будущем поможет ответить на вопрос, в какой мере политические решения Яна Собеского и его советников определялись их расчетами, а в какой – объективными условиями, глубоким внутривосточным кризисом, назревшим в Речи Посполитой во второй половине XVII в.

⁸² РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 299.

⁸³ Там же. Л. 325 об.–326.

⁸⁴ Там же. Л. 377–377 об.

⁸⁵ Там же. Л. 383–383 об.

⁸⁶ Там же. Л. 406–406 об.

⁸⁷ Там же. Л. 420 об.

Литература

- Великанов В. С., Нечитайлов М. В. «Азиатский дракон перед Чигирином». Чигиринская кампания 1677 г. М., 2019. 252 с.
- Костомаров Н. И. Собрание сочинений. СПб., 1905. Кн. 6. 815 с.
- Крикун М. Турецкий поход на Правобережну Україну 1674 року // Крикун М. Між війною і радою. Козацтво правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 351–392.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 6. 683 с.
- Флоря Б. Н. Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1674 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 61–75.
- Darowski A. Szkice historyczne. SPb., 1894. Ser. 1. 553 s.
- Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. T. 2. 375 s.

References

- Darowski, A. Szkice historyczne. Saint Petersburg, 1894. Ser. 1. 553 s.
- Florya, B. N. Peregovory mezhdru Rossiei i Rech'yu Pospolitoi o soyuze protiv osmanov (1673–1674 gg.) [Russia and the United Kingdom of Poland and Lithuani Summit Talks on the Union against the Osman Empire (1673–1676)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 1 (67). Pp. 61–75.
- Kostomarov, N. I. Sbranie sochinenii [Collected Works]. Saint Petersburg, 1905. Book 6. 815 p.
- Krikun, M. Turets'kii pokhid na Pravoberezhnu Ukrainu 1674 roku [Turkish Campaign on the Right Bank of Ukraine in 1674]. In *Krikun, M. Mizh viinoyu i radoyu. Kozatstvo pravoberezhnoi Ukraini v drugii polovini XVII – na pochatku XVIII stolittya*. Kiev, 2006. Pp. 351–392.
- Solov'ev, S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [The History of Russia since Ancient Times]. Moscow, 1961. Book 6. 683 p.
- Velikanov, V. S., Nechitailov, M. V. “Aziatskii drakon pered Chigirinom”. Chigirinskaya kompaniya 1677 g. [“Asian Dragon before Chigirin”. The Chigirinsky Campaign of 1677]. Moscow, 2019. 252 p.
- Wagner, M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. T. 2. 375 s.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

OTTOMAN ATTACK OF THE RIGHT-BANK UKRAINE (1674) AND RUSSIAN-POLISH RELATIONS

The article shows, how Russian politicians' ideas about the policy of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which were based on diplomatic contacts and other information, influenced the Ukrainian policy of the Russian government.

Keywords: Russia, Ottoman Empire, Crimea, Polish-Lithuanian Commonwealth, Ukrainian Hetmans